

П. А. Фалевъ.

Ногайская сказка объ Ак-Кöбöк'ѣ.

Въ декабрѣ 1914 г. въ ногайскомъ аулѣ Стамбулѣ (въ Ставропольской губ.) я записалъ сказку, однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ которой является чудовище Ак-Кöбöк-Кара-Кöбöк. Это имя заставляетъ вспомнить очень распространенныя среди сибирскихъ турковъ легенды объ Ак-Кöбöк'ѣ. В. В. Радловъ записалъ три варианта легенды — у алтайцевъ, у барабинцевъ и на Тоболѣ¹, да Н. О. Катановъ нашелъ версію на Абаканѣ². При ближайшемъ сравненіи записанной мною сказки съ указанными легендами оказывается, что, кромѣ имени, между ними мало общаго какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ. Ак-Кöбöк ногайской сказки — какое-то злое чудовище, при появленіи котораго народъ въ страхѣ разбѣгается. Ак-Кöбöк сибирскихъ преданій — положительный герой. Его рожденіе, жизнь и подвиги описаны въ распространенномъ у алтайскихъ турковъ стилѣ шаманской сказки или чудесной легенды, въ родѣ монгольскихъ «Подвиговъ Богдо-Гесер-хана». Еще во чревѣ матери Ак-Кöбöк пѣсней даетъ знать, какого рода колыбель ему нужно устроить, а въ барабинской версіи онъ выражаетъ желаніе явиться на свѣтъ не обычнымъ путемъ, а «разорвавъ бокъ», и только по просьбѣ матери соглашается родиться по «Богомъ установленному порядку»³. При сходныхъ же обстоятельствахъ происходитъ рожденіе Гесер-хана и другихъ дѣтей Гекше Амурчилы⁴. На второй же день по рожденіи

¹ В. В. Радловъ. Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, т. I, стр. 204; т. IV, стр. 45 и 142.

² Ibid., т. IX, стр. 302.

³ Ibid., т. IV, стр. 45.

⁴ Die Thaten Bogda Gesser chans, des Vertilgers der Wurzel der zehn Uebel in den zehn Gegenden. St. Petersburg, 1839, стр. 13 — 14. Весьма возможно, что въ связи съ такого рода мотивами стоитъ эпизодъ изъ одной русской сказки, который А. Н. Веселовскій привелъ въ своей работѣ по исторіи литературнаго общенія Востока и Запада (см. «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольч'ѣ и Мерлинѣ», СПб., 1872,

Ак-Көбөк покидает колыбель. Онъ встрѣчается съ главнымъ своимъ врагомъ Көдөн-ханомъ; тотъ смѣется надъ его именемъ, сближая послѣднее со словомъ «көбүк» (цѣна), въ тобольской же версіи рекомендуетъ ему называться не «Күбäk», а Сүбäk¹. Въ записанной мною сказкѣ нѣтъ никакихъ этимологическихъ сближеній по поводу имени «Көбөк», но, послѣ того какъ сказка была уже окончена, рассказчикъ сообщилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, Ак-Көбөк-Кара-Көбөк — большая собака, наполовину бѣлая, наполовину черная.

Главнымъ подвигомъ Ак-Көбөк'а въ сибирскихъ легендахъ является убіеніе Мангыта, или Мангыша, сына Көдөн-хана. У монголовъ Мангусомъ называется злой духъ². Такое же значеніе имѣетъ слово Мангусъ у урянхайцевъ³. Э. К. Пекарскій сообщилъ мнѣ, что у якутовъ маңыс = монус значить «обжора» и фигурируетъ въ якутскихъ сказкахъ въ качествѣ дѣйствующаго лица. Здѣсь необходимо болѣе подробно остановиться на рассказѣ объ убіеніи Мангыша по барабинской версіи⁴. Ак-Көбөкъ зазвалъ Мангыша въ гости и напоялъ его пьянымъ. Когда Мангышъ свалился, Ак-Көбөкъ хотѣлъ связать его. Но Мангышъ разорвалъ путы. Тогда Ак-Көбөкъ связываетъ его ремнями изъ кожи шестилѣтняго быка, но и это не помогаетъ. Ак-Көбөкъ беретъ желѣзныя цѣпи, но и онѣ не выдерживаютъ. Тогда онъ вышелъ на улицу въ раздумьи. Мимо проходитъ какой-то старикъ. На вопросъ Ак-Көбөк'а, чѣмъ лучше всего связать человѣка, старикъ отвѣчаетъ, что для этого нужны ремни изъ человѣческой кожи. Ак-Көбөкъ убиваетъ старика и беретъ его кожу, мотивируя свой поступокъ тѣмъ, что старикъ съѣлъ свой хлѣбъ и довольно пожилъ. Можно думать, что этотъ мотивъ барабинскаго преданія стоитъ въ связи съ темой ногайской сказки: въ послѣдней завязкой всего рассказа является приказъ хана убивать стариковъ, достигшихъ 60 лѣтъ⁵.

стр. 103). Тамъ тоже происходитъ разговоръ между матерью и находящимся въ ея чревѣ сыномъ. Въ сердцахъ она грозитъ извести сына еще во чревѣ, а сынъ сказалъ: «Я выломлю боку, — ребро проломлю и тутъ вонъ выду!» (Цитата взята А. Н. Веселовскимъ изъ «Пѣсенъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ». Ч. II. Народныя былинны, старины и побывальщины. М. 1862, стр. 306).

¹ Судя по переводу (Образцы, т. IV, переводъ, стр. 182), тобольцы понимаютъ это слово какъ названіе собаки. Въ такомъ случаѣ, слово сүбäk заимствовано съ русскаго, а не является тобольской формой общетурецкаго «күпäk-күпäk», ибо развитія к вѣ с передъ небными вообще и въ частности передъ у въ этомъ діалектѣ не наблюдается. Ср. күрәдйәр, күп (стр. 141), күслән (стр. 142) и т. д. Повидимому, самое слово «күпäk» въ рассматриваемомъ діалектѣ не встрѣчается. Его замѣняетъ равнозначное ему «ит».

² Die Thaten Bogda Gesser-chans, стр. 30.

³ Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, т. IX, стр. 202.

⁴ Ibid., т. IV, стр. 51—52.

⁵ Здѣсь не мѣсто касаться вопроса о распространенности этой темы въ литературѣ всѣхъ народовъ (см. А. Н. Веселовскій, *op. cit.*, стр. 88 и указанную тамъ литературу). Общеизвѣстны факты изъ жизни первобытнаго общества, которые дали поводъ къ возникно-

За смерть Мангыша мститъ его отецъ Кѣдѣн-ханъ. Борьба Ак-Кѣбѣк'а съ Кѣдѣн-ханомъ описана въ самыхъ фантастическихъ краскахъ¹. Въ битвѣ Ак-Кѣбѣкъ получилъ много ранъ. Приѣхавъ домой, онъ живымъ ложится въ могилу. Его братъ еще до истеченія 7 дней потревожилъ его покой. Ак-Кѣбѣкъ поднялся изъ могилы, но, найдя свою страну въ безопасности, опять легъ въ нее, сказавъ, что теперь послѣ него уже никто не будетъ выходить изъ могилы.

По абаканскому разсказу, Ак-Кѣбѣкъ — герой, давшій наименованія Кему (Енисею) и Абакану.

Можно замѣтить, что, подвигаясь отъ Алтая къ Тоболу, преданіе измѣняетъ свой характеръ. Фантастичность подвиговъ Ак-Кѣбѣк'а, которая роднитъ это преданіе съ шаманскими разсказами и нѣкоторыми монгольскими сказаніями, окрашенными буддизмомъ, малопомалу исчезаетъ. Преданіе все болѣе и болѣе становится мусульманскимъ. На Тоболѣ въ преданіи появляется пророкъ Хизръ². Мангышъ называется Мангышъ-султаномъ³. Есть въ тобольской версіи и другія черты, которыя приближаютъ ее къ произведеніямъ народнаго творчества западныхъ и южныхъ сородичей тобольцевъ. Въ тобольскомъ преданіи среди богатырей Кѣдѣн-хана встрѣчается нѣкій Салыр-Казанъ⁴. Имя Салур-Казанъ носитъ одинъ изъ богатырей «Китаб-и Коркудъ»⁵. Салыр-Казанъ — герой — эпонимъ одного изъ туркменскихъ племенъ (Н. А. Аристовъ «Этническій составъ» и т. д., 142). Это совпаденіе нужно внести въ серію тѣхъ фактовъ, которые доказываютъ существованіе близкихъ отношеній между сѣверными и южными турками. Повидимому, этого Салур-Казана мы имѣемъ въ Салур-Казакѣ «Шейбаниады» (Библіотека восточныхъ историковъ, т. I, стр. 59).

Если теперь съ Тобола мы перейдемъ къ ногайцамъ Сѣв. Кавказа, то найдемъ преданіе объ Ак-Кѣбѣк'ѣ совершенно преобразившимся подъ вліяніемъ внесенія новыхъ элементовъ и измѣненія старыхъ. Здѣсь отъ всего сказанія остались лишь имя самого героя, да тема объ убійствѣ отжившихъ свой вѣкъ стариковъ. Сближеніе имени «Кѣбѣкъ» со словомъ «кѣпѣкъ» (собака) дало поводъ къ отрицательной характеристикѣ Кѣбѣк'а и къ представленію его въ видѣ чудовищной собаки. Причиной удвоенія его имени въ «Ак-Кѣбѣк-

венію разсказовъ объ убійствѣ стариковъ. Слѣдующій затѣмъ мотивъ спасенія одного старика его сыномъ, вопреки повелѣнію царя, благодаря чему старикъ получаетъ возможность выказать свою мудрость, показываетъ, что подобная тема зародилась въ то время, когда этотъ обычай казался варварскимъ остаткомъ старины.

¹ См., напр., т. IV Образцовъ, стр. 55—56.

² Ibid., т. IV, стр. 148.

³ Ibid., стр. 144.

⁴ Ibid., стр. 150, въ барабинской версіи фигурируетъ Самыр-Казан (150).

⁵ Зап. Вост. Отд. II. Арх. Общ., т. XII, стр. 047.

Кара-Кѳбѳк» было, повидимому, несоотвѣтствіе эпитета «ак» (бѣлый) съ отрицательнымъ характеромъ героя, къ которому больше подходилъ эпитетъ «кара» (черный). По ногайской сказкѣ, Ак-Кѳбѳк'а убилъ одинъ юноша по имени Кѳнцѳ. Это имя встрѣчается въ народномъ творествѣ и другихъ турецкихъ племенъ. У сагайцевъ есть цѣлое преданіе о «Тарба Кѳнцѳ»¹.

Въ отношеніи формы между ногайской сказкой и сибирскими преданіями нѣтъ уже никакого сходства. Ногайская сказка рассказана въ обычной разговорной прозѣ. Въ сибирскихъ легендахъ проза перемежается со стихами-пѣснями. Чаше всего встрѣчающіяся пѣсни—это пѣсни Ак-Кѳбѳк'а о своемъ рожденіи, оружіи, конѣ и соколѣ; пѣсни, которыми, по алтайской версіи, переговаривается Ак-Кѳбѳкъ съ братомъ², въ тобольскомъ рассказѣ перенесены на переговоры Ак-Кѳбѳк'а съ посломъ Кѳдѳн-хана Чылашомъ³, а въ барабинской подобнымъ же образомъ перепѣваются Мангышъ и его рабъ⁴.

Часть пѣсенъ въ сибирскихъ легендахъ составлена въ формѣ повторяющихся строфъ или двустихій, при чемъ, при повтореніи, въ двустихій или строфѣ измѣняется одно или нѣсколько словъ. Такого рода пѣсенные приемы часто встрѣчаются у алтайскихъ турковъ, но ногайскому народному творчеству эти приемы чужды, хотя и можно указать на ихъ остатки (Сборникъ ногайско-кумыкскихъ текстовъ М. Османова, стр. 76). Въ этомъ отношеніи пѣсенные приемы алтайцевъ совпадаютъ съ монгольскими⁵.

Въ заключеніе коснусь языка записанной мною сказки. Укажу форму «кѳрѳгѳрмѳн» — я понадобится, въ которой слову «кѳрѳк» придано глагольное значеніе, въ то время какъ обычно это слово встрѣчается лишь съ именнымъ значеніемъ. Что касается фонетическихъ особенностей діалекта ставропольскихъ ногайцевъ, то въ моей записи онѣ не нашли яснаго отраженія, такъ какъ при записываніи сказки (одного изъ первыхъ текстовъ, записанныхъ мною у ставропольскихъ ногайцевъ) я находился подъ вліяніемъ той фонетической системы, которая создалась у меня при изученіи ногайскихъ текстовъ, записанныхъ В. В. Радловымъ въ крымской деревнѣ Кіятъ⁶, а своему слуху я не особенно довѣрялъ. Но языкъ ставропольскихъ ногайцевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличенъ отъ языка кіятцевъ. Въ частности, въ моей записи осталось неотмѣченнымъ узкое е, которое у ставропольскихъ ногайцевъ въ акустическомъ отношеніи чрезвычайно близко къ і.

¹ Образцы, т. II, стр. 250.

² Ibid., т. I, стр. 208—209.

³ Ibid., т. IV, стр. 149—150.

⁴ Ibid., стр. 49.

⁵ См., напр., А. Позднѣевъ. Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ, вып. I, СПб. 1880.

⁶ Образцы, т. VII, стр. 194.

О нѣкоторыхъ другихъ особенностяхъ ногайскаго діалекта см. резюме моего доклада въ XXIII т. Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ.

Предлагаемую сказку я записалъ отъ старика-ногайца, по прозванію Стамбуль. Такое прозвище, по его словамъ, ему дали потому, что онъ родился въ годъ, когда части ногайцевъ было разрѣшено переселиться въ Турцію. Стамбуль — богатый и уважаемый старикъ; его именемъ названъ ауль, въ которомъ онъ живетъ. Онъ — человѣкъ грамотный; въ свое время участвовалъ въ делегаціяхъ отъ ногайскаго народа къ разнаго рода официальнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Текстъ.

Бурун бір кан бујурук ітіпті: һәр бір адам алтыска кәлгән атасын өлтүрсүн дәп. Шол бујурукка көрә һәр бір адам атасын өлдүргөн болған. Соң Кәнңи дәгән бір адам атасын өлтүрөјөк болуп алып бараһанда тыншајак болуп көтүрүп бараһан атасын бір тасның үстүнө салып олтурған. Соң атасы улу Кәнңидән сораһан: балам, сән мәні каіда алып барасын? дәп. Соң Кәнңи атасына айткан: мән сәні канның бујуруғына көрү өлтүрмөгө барып¹ дәп. Соң атасы айткан: Мән-дә атамды өлтүрмөгө алып бараһанда бу тасның үстүндө олтуруп тыншаһан ідім. Мән-дә атамды өлтүргөнмән. Сән мәні өлтүрмө дәгән. Мән саға бір заман кәрәгірмән дәгән. Соң Кәнңи атасын ујуно каітарып аккаліп күймөгө салып, мәзгілдә асын сүн бәріп саклаһан. Шол заманда әлгә Ак-Көбөк-Кара-Көбөк шығыпты дәгән хавар түскөн. Андан коркуп әл көшкөн. Көшүп бараһанда бајағы көймөнүң ішіндәгі Кәнңидің атасы Кәнңидән сораһан болған: булаі узак жүрүгү нәгә калдыңыз? дәп. Соң Кәнңи атасына Ак-Көбөк-Кара-Көбөкниң шыкканы ва әлдің андан коркуп кашканын сөйлөгөндә атасы Кәнңигә: сән бүјәрдә јолнуң јанындан ағым ғазып кал. Шол Ак-Көбөкниң іртән басы кәлсә түстө бәлі кәлір, дәп. Аның бәлі пазік болур, бәлиндән шауп өлтүрүрсін, дәп ва аның ішіндә әкі тас болур. Шол тасларны алып қіјәрсән² соң шол Көбөкнү өлтүргөнлігіні шағытлык ушүн. Соң Кәнңи шол јәрдә ағым казып калған. Бір заманда Көбөкниң басы кәлгән түс болһанда бәлі кәлгән. Бәлиндән шауп Көбөкнү өлтүрүп ішіндәгі тасларын алып атасына кәліп өлтүргөнлігін айткан. Соң бајағы көшүп бараһан халк ва мал сусызлыктан бәк јөңкөгөн. Кәнңи шол халкның ва малның сусызлыктан кыналуғун атасына айткан. Атасы Кәнңидән шону ісітіп Кәнңигә айткан: балам, бу јәрдә мал тоітап³ өкүрөгөн јәр барма, дәп. Кәнңи карап көргөн: бір јәрдә мал қыјылып јәрні тырнап өкү-

¹ Такъ въ записи. Лучше бы было: алып барамын.

² Такъ въ записи, но вѣроятно: қыјырсаң.

³ Повидимому, надо: топтап.

рўи турағанын, аны атасына кәліп айткан. Атасы Кәңңигә шол мал өкүрүп тырнаған јәрдә сән барып кују каз дәгән. Кәңңи барып шол јәрдә кују ғазып су шыкарған. Шол¹ кујунуң сү бәк күшлү болуп кујунуң төгүрүгінә су ајылған. Шол¹ судан бу халк ва маллары су ішіп ғарағатланған. Бір заманда халк шол кујунуң түбүндө ат басындаі алтын коі басындаі күмүс көрүп алајак болуп. Бір-дә алып болмағанлар. Кәңңи шоны атасына кәліп айткан: кујунуң түбүндө ат басындаі алтын коі басындаі күмүс бар. Шоны бірәу-дә алып болмаіды, дәп. Атасы Кәңңидән сораған: шол кујунуң јанында нә вар(?), дәп. Кәңңи атасына: кујунуң јанында бір үкөн тәрәк бар, дәп. Атасы Кәңңигә айткан: шол кујунуң түбүндө көрүнөгөн ат басындаі алтын коі басындаі күмүс шол тәрәкнәң басында, дәп. Аның сауләсі кујунуң түбүндө көрүнөдір. Сән әл ајағы сәмгәндән соң шу тәрәкнә шауп јык. Аның басындағы алтынды ва күмүстү аларсан, дәп. Кәңңи барып тәрәкнә шауп јыккан. Басындағы алтын-мынан күмүснү алған атасына кәліп алғанлығын айткан. Соң бір заманда кан бајағы Көбөкнү кім өлтүрдү? дәп сораған болған. Көп адамлар: мән өлтүрдүм, мән өлтүрдүм, дәп өтүрүкшә болғанлар. Бір заманда кан: кујуну кім казды ва алтын-мынан күмүснү кім алды? дәп сораған болған. Шоны-да бірәу-дә: казып ва алтынды алдык, дәп табылмаған. Соң бір заманда кан хабар әткән: кујуну казып су шығарып алтынды алған адамны мән билсәм кан әтәр ідім. Бір заманда Кәңңинәң атасы Кәңңигә айткан: сән канға Көбөкнү өлтүрүп алған тасларыны алып бар, дәп. Кәңңи шол тасларны алып барып канға: Көбөкнү мән өлтүрдүм, дәп тасларын ханға көрсөткөн. Соң хан инанып Кәңңидән сораған: муну саға кім айтты? дәп ва кујуду кім казды? дәп. Кәңңи айткан: кујуну мән каздым алтын-мынан күмүснү мән алдым, дәп. Соң Кәңңи бајағы алтын-мынан күмүснү канға бәріп бајағы кан аітаған кәптә кан болған. Соң кан айткан: сағы оғлу Кәңңи саға болсун бу мәнңи, дәп. Шондан соң алтмыска кәлгән адамны өлтүрү којулған.

Переводъ.

Въ старину нѣкій ханъ издалъ приказъ: «Пусть всякій убьетъ своего отца, который достигъ 60 лѣтъ». По этому приказу всѣ убивали своихъ отцовъ. Нѣкто, по имени Кенджи, повелъ своего отца, чтобы убить его. По дорогѣ онъ вздумалъ отдохнуть и сѣлъ, посадивъ отца на камень. Отецъ спросилъ у сына Кенджи: «Сынъ мой, куда ты меня ведешь?» Кенджи сказалъ отцу: «Я веду тебя, чтобы убить, по ханскому приказу». Отецъ сказалъ: «И я, когда велъ своего отца на убійство, отдыхалъ на этомъ камнѣ. И я убилъ своего отца. А ты меня не убивай. Я тебѣ когда-нибудь пона-

¹ = шол.

доблюсь». Кенджи вернулся съ отцомъ домой, посадилъ отца въ күймѣ¹ и хранилъ его, подавая ему въ свое время пищу и воду. Въ то время въ народѣ распространилась вѣсть, что появился Ак-Кѣбѣк-Кара-Кѣбѣк. Народъ испугался и перекочевалъ. Во время перекочевки отецъ Кенджи, сидѣвшій въ упомянутомъ күймѣ, спросилъ у Кенджи: «Почему вы такъ далеко ѣдете?» Когда Кенджи разсказалъ о появленіи Ак-Кѣбѣк-Кара-Кѣбѣк'а, объ испугѣ и бѣгствѣ народа, отецъ сказалъ ему: «Ты оставайся здѣсь и вырой у дороги канаву. Если утромъ покажется голова того Ак-Кѣбѣк'а, то въ полдень появится его туловище. У него туловище тонкое; ты убьешь его, ударивъ по туловищу. Внутри его будутъ два камня. Ты тѣ камни потомъ возьми, чтобы засвидѣтельствовать убійство Кѣбѣк'а». Кенджи вырылъ въ томъ мѣстѣ канаву и тамъ остался. Вотъ показалась голова Кѣбѣк'а, а въ полдень и туловище. (Кенджи) ударилъ Кѣбѣк'а по туловищу, убилъ его, взялъ находящіеся въ немъ камни и, придя къ отцу, разсказалъ ему. А давешній перекочевывавшій народъ и скотъ сильно страдали отъ жажды. Кенджи разсказалъ отцу о мученіяхъ людей и скота, какія они испытываютъ отъ жажды. Отецъ, услышавъ это отъ Кенджи, сказалъ ему: «Сынъ мой, не собрался ли гдѣ ревушій скотъ?» Кенджи посмотрѣлъ и увидѣлъ, что въ одномъ мѣстѣ собрался скотъ и реветъ, роя землю. Онъ объ этомъ сказалъ отцу. Отецъ сказалъ Кенджи: «Пойди и вырой колодезь въ томъ мѣстѣ, гдѣ скотъ реветъ и роетъ землю». Кенджи пошелъ, вырылъ колодезь въ томъ мѣстѣ, и (оттуда) побѣжала вода. Вода изъ того колодца бѣжала очень сильно и заняла² все вокругъ колодца. Народъ и скотъ пили воду и отдохнули. Разъ увидѣли люди на днѣ колодца кусокъ золота съ лошадиную голову и кусокъ серебра съ овечью голову и хотѣли взять ихъ, но не могли. Кенджи пошелъ и сказалъ отцу: «На днѣ колодца кусокъ золота съ лошадиную голову и кусокъ серебра съ овечью голову. Никто ихъ взять не можетъ». Отецъ спросилъ Кенджи: «А что рядомъ съ колодцемъ?» Кенджи сказалъ: «Рядомъ съ колодцемъ большое дерево». Отецъ сказалъ Кенджи: «Золото съ лошадиную голову и серебро съ овечью голову, которыя кажутся на днѣ колодца, (находятся) на вершинѣ того дерева. Блескъ ихъ и видится на днѣ колодца. Послѣ того какъ утихнутъ шаги народа, ты сруби то дерево, и ты возьмешь находящееся на его вершинѣ золото и серебро». Кенджи пошелъ и срубилъ дерево, взялъ находящееся на его вершинѣ золото и серебро и, придя къ отцу, разсказалъ ему. Потомъ ханъ разъ спросилъ: «Кто убилъ давешняго Кѣбѣк'а?» Многіе, говоря: «Я убилъ, я убилъ!» становились лжецами. Разъ ханъ спросилъ: «Кто выкопалъ колодезь и кто взялъ золото и серебро?»

¹ Арба съ поставленною на нее кибиткою.

² Азылбан?

Никто не нашелся, кто бы сказалъ: мы-де выкопали и золото взяли. Разъ ханъ объявилъ: «Если бы я узналъ человѣка, который выкопалъ колодезь, пустилъ воду и взялъ золото, я сдѣлалъ бы его ханомъ». Отецъ Кенджи сказалъ ему: «Снеси хану тѣ камни, которые ты взялъ, убивъ Кѳбѳк'а». Кенджи снесъ тѣ камни и показалъ ихъ хану, говоря: «Я убилъ Кѳбѳк'а». Ханъ повѣрилъ и спросилъ у Кенджи: «Кто тебѣ это сказалъ? Кто выкопалъ колодезь?» Кенджи сказалъ: «Я выкопалъ колодезь, я взялъ золото и серебро». Кенджи отдалъ хану золото и серебро и, какъ раньше говорилъ ханъ, сдѣлался ханомъ. Затѣмъ ханъ сказалъ: «Сынъ святого, Кенджи, пусть будетъ твоимъ все мое»¹. Послѣ того перестали убивать стариковъ, дожившихъ до 60 лѣтъ.

Р. С. Когда настоящая статья была окончена, мнѣ стало извѣстно, что Г. Н. Потанинъ въ своемъ трудѣ «Тангутско-тибетская окраина Китая» (Спб. 1893, т. II, стр. 120 и дал.) уже коснулся вопроса о совпаденіяхъ въ содержаніи сказокъ объ Ак-Кѳбѳк'ѣ и сказанія о Гесер-Ханѣ. На стр. 121 Г. Н. Потанинъ приводитъ разсказъ Эннувейри о Мангушѣ, сынѣ Котяна и ихъ врагѣ Ак-Кубул'ѣ. Сходный разсказъ имѣется у Ибнъ-Халдуна. У послѣдняго дѣйствующихъ лица названы: Манкушъ, Китмаръ и Ак-Кибякъ. Эти разсказы показываютъ, что сказаніе объ Ак-Кѳбѳк'ѣ перешло на западъ въ очень раннее время и развивалось самостоятельно, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ.

¹ Слово мѣнцѣ я не сближаю съ мѣстоимѣніемъ мѣн (я); оно скорѣе стоитъ въ связи съ منجا въ упоминавшемся сборникѣ ногайскихъ и кумыкскихъ текстовъ (стр. 46) въ фразѣ: باسلا بغي توقوز قاند ينك منجاسى توقتامس т. е., токтамышъ, наследникъ (?) девяти первоначальныхъ хановъ. Э. К. Пекарскій сближаетъ это мѣнцѣ съ якутскимъ мѣнджі = mälqi — всегда, постоянно.